

Об одном типе расчлененных конструкций: инпарцелляция в прозе А. С. Пушкина

Валентина Тарасовна Садченко, Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск), ValentinaSadchenko@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170007629-0

аннотация: В статье рассматривается один тип расчлененных синтаксических конструкций — инпарцеллированные конструкции, по поводу которых у ученых нет единого мнения. Одни относят данные конструкции к особой разновидности парцелляции, другие не выделяют вообще, игнорируя и графические отличия данных конструкций от парцеллированных. На другие особенности данных конструкций никто из исследователей внимания не обращал. Инпарцеллированные конструкции являются характерной особенностью не только поэзии, но и прозы А. С. Пушкина и его современников. В статье анализируются некоторые принципы синтаксической организации прозаических произведений А. С. Пушкина, выявляются типы инпарцеллированных конструкций, их структурно обусловленные функции; показывается, что указанные типы конструкций обладают своими особенностями, отличающими их от парцелляции. Особое внимание уделяется наиболее типичным для прозы А. С. Пушкина инпарцеллированным конструкциям с восклицательным и вопросительным знаками, когда инпарцеллят представляет собой одно из однородных сказуемых, одиночное или с группой распространителей; присоединительный компонент, содержащий компенсирующую информацию; инпарцеллированная конструкция может представлять собой трансформированную

вопросно-ответную конструкцию. Обращается внимание, что автор использует прием «синтагматического нанизывания» инпарцеллятов; посредством инпарцелляции актуализирует каждое действие персонажа, при этом разделяющий инпарцелляты восклицательный знак выполняет функцию экспрессоида.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: расчлененные синтаксические конструкции, парцелляция, инпарцелляция, графика, пунктуация

для цитирования: Садченко В. Т. Об одном типе расчлененных конструкций: инпарцелляция в прозе А. С. Пушкина // Русская речь. 2019. № 6. С. 103–112. DOI: 10.31857/S013161170007629-0.

The Language of Fiction

About One Type of Distributed Structures: Inparcelation in the Prose of A. S. Pushkin

Valentina T. Sadchenko, Pacific National University (Russia, Khabarovsk),
ValentinaSadchenko@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses one type of dissected syntactic constructs — embedded multiplex constructs, about which scientists do not have a unanimous opinion. Some scientists attribute these structures to a special kind of parcellation, others do not single out this type of constructs at all, ignoring the graphical differences between these structures and the parceled ones. None of the researchers pays any attention to other features of inparcelled constructs. These structures are typical not only for A. S. Pushkin's poetry, but also for his prose. The article analyzes some principles of syntactic organization of A. S. Pushkin's prose works, identifies the types of paired constructions and their structurally determined functions. The research proves that these types of structures are different from parcellation.

The article focuses on inparcelled constructions with exclamation and question marks, most typical for A. S. Pushkin's prose, where inparcelate is one of the homogeneous predicates, either single or with a group of distributors. An attachment component in these structures contains compensating information. The paired construct may be in a form of a transformed question-response structure. It is important to emphasize that the author uses the "syntagmatic stringing" of inparcelate. Through inparcelation Pushkin actualizes each action of the character, while the exclamation mark that separates inparcelate performs the function of an expressoid.

KEYWORDS: distributed syntactic constructions, parcelation, inparcelation, graphics

FOR CITATION: Sadchenko V. T. About One Type of Distributed Structures: Inparcelation in the Prose of A. S. Pushkin. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 6. Pp. 103–112. DOI: 10.31857/S013161170007629-0.

Г. Н. Акимова отмечала (со ссылкой на работы В. В. Виноградова), что уже в прозе А. С. Пушкина «усматриваются... проявления грамматического анализма», столь характерные для русского языка современности [Акимова 1990: 12]. Свидетельством данных тенденций на синтаксическом уровне является расчлененность высказывания, проявляющаяся, в частности, в использовании различного типа парцелированных конструкций.

К особой разновидности парцелляции относится инпарцелляция. Явление инпарцелляции в научной литературе освещено явно недостаточно: Г. Н. Акимова, А. П. Сковородников, Е. А. Иванчикова и другие исследователи, рассматривая подробно парцелляцию, не упоминают об инпарцелляции.

Впервые на инпарцелляцию как особый художественный прием паузирования текста, «свидетельствующий о стремлении авторов найти дополнительные средства выражения необходимых оттенков содержания с помощью традиционных графических средств с некоторыми отклонениями в их использовании» [Рубенкова 1999: 17], обращает внимание Т. С. Рубенкова, рассматривающая парцелированные и инпарцелированные конструкции на материале поэтических текстов XIX и XX веков. Под инпарцелляцией Т. С. Рубенкова понимает такое интонационно-графическое расчленение предложения, когда отсеченный сегмент (инпарцеллят) после знака конца фразы начинается со строчной буквы.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (автор статьи Г. А. Копнина) конструкции, называемые Т. С. Рубенковой инпарцеллированными, относятся к парцелляции, когда наблюдается «написание парцеллята... (значительно реже) со строчной буквы» [Кожина (ред.) 2003: 105]. Таким образом, Г. А. Копнина не видит различий, кроме графических, между парцелляцией и инпарцелляцией, относя и то и другое к одному явлению.

Т. С. Рубенкова отмечает, что инпарцелляция — активно развивающаяся тенденция в языке поэзии указанного периода (особенно в поэзии Серебряного века) [Рубенкова 1999: 17]. Однако проведенные нами исследования позволяют говорить о том, что явление инпарцелляции получило свое развитие не только в поэзии, но и в прозе, в том числе, в частности, в произведениях А. С. Пушкина.

Т. С. Рубенкова выделяет несколько групп инпарцеллированных конструкций в зависимости от их графического оформления, а именно от знака препинания (многоточие, вопросительный, восклицательный знаки или их комбинации), разделяющего антесеквент (основную часть) и инпарцеллят.

Не вполне ясно, стоит ли относить конструкции с многоточием к инпарцелляции, так как многоточие может обозначать формальный пропуск, недосказанность, прерывистость речи и т. д., когда использование строчной буквы не нарушает общих правил графики, например:

Он вошел... и осто́лбенел! (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка)

Многоточие, разделяя в данном случае однородные сказуемые, действительно создает психологическую паузу, замедляет действие, создавая переход от динамики к статичности. При этом наличие восклицательного знака в конце предложения придает статичному действию экспрессивность, подчеркивая внутреннее состояние героя.

Интерес представляют именно те расчлененные конструкции, в которых строчная буква свидетельствует о нарушении норм. В частности, интересно соотношение антесеквента (основной части) и инпарцеллята при делимитации (членении) простого предложения с помощью восклицательного и вопросительного знаков:

Ты женишься, или я тебя прокляну, а имени, как бог свят! продам и промотаю (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка);

Как быть! смотритель уступил ему свою кровать (А. С. Пушкин. Станционный смотритель);

Что-то с нею случилось, но что именно? не могла вспомнить [Наталья] (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого);

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? но все молчали (А. С. Пушкин. Дубровский).

Н. В. Перцов отмечает в качестве одной из особенностей старинной русской пунктуации активное употребление внутри единой фразы восклицательного и вопросительного знаков, после которых следует строчная буква, приводя пример из текста А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» и объясняя данный факт, с одной стороны, разнообразием и неупорядоченностью в употреблении знаков препинания, наблюдавшихся в данный исторический период, с другой — их особой ролью, так как правописание «гораздо теснее связано с планом содержания текста, чем полагают многие» [Перцов 2008: 52–53].

Высказанная Н. В. Перцовым мысль может быть подтверждена множественными примерами подобного использования знаков препинания в текстах других авторов-современников А. С. Пушкина:

Что принадлежит до моего сердца... благодаря судьбе! оно стало повеселее (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника);

Что ты грустна? и о чем эти слезы во взоре? (А. К. Толстой. *** <1858>);

Так!.. но, прощаясь с римской славой... (Ф. И. Тютчев. Цицерон);

Душа моя! о, не вини меня!.. (Ф. И. Тютчев. *** <1829–1830>);

Устал я, — лег, — почти что болен,

Своей работой недоволен;

Не бросить ли? не сжечь ли? (Я. П. Полонский. И. С. Тургеневу);

Паша! к нам — сюда! (А. Н. Апухтин. О цыганах);

Как тихо! подождем! мне слышится вдали... (А. Д. Илличевский. Аккерманские степи);

Ты губишь и живешь — о Сердце! — ты мудрец! (М. И. Максимов. Сердце);

Молиться!.. у меня в сердце были одни проклятья! часто вечером... (М. Ю. Лермонтов. Вадим);

Нет! нет! сему не случится никогда! я не верю этой любви (М. Ю. Лермонтов. Menschen und Leidenschaften).

«Вольности» в использовании строчной буквы после знаков конца фразы весьма частотны в прозе А. С. Пушкина, что подтверждают некоторые статистические данные: так, в романе «Арап Петра Великого» более 30 конструкций, в которых после знака конца фразы (многоточия, восклицательного и вопросительного знаков) используется строчная буква; в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» — около 40; в «Капитанской дочке» — около 60.

Типичным для прозы А. С. Пушкина является использование строчной буквы после обращения или вокативного предложения, произносимых с особой интонацией, графически обозначенной восклицательным знаком:

Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения... (А. С. Пушкин. Метель);

Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. <...> ...Амы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков»... (А. С. Пушкин. Станционный смотритель);

...но если не случится лошадей?.. боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! (А. С. Пушкин. Станционный смотритель);

Я тебя, старого пса! пошлю свиной пасти (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Единство высказывания подчеркивается строчной буквой после восклицательного знака; в результате инпарцеллят носит характер присоединительной уточняющей конструкции.

Восклицательный знак после обращения значительно повышает экспрессивность конструкции, его постановка требует особой паузы; такое обращение не требует дальнейшего продолжения высказывания, которое вообще может быть безглагольным:

Дедушка, дедушка! орешков! (А. С. Пушкин. Станционный смотритель).

Синтаксическая расчлененность при помощи восклицательного знака может быть связана с актуализацией каждого действия персонажа, когда восклицательный знак выполняет функцию экспрессоида:

...куды! влетел! расшаркался, разболтался!.. (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Использование строчной буквы после восклицательного знака может подчеркивать слитность конструкции и тем самым динамичность описываемого эпизода:

Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. (А. С. Пушкин. Станционный смотритель).

В инпарцеллят может быть вынесено одно из однородных сказуемых с группой распространителей:

С ужасом думала я: к чему все это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душой (А. С. Пушкин. Роман в письмах).

Основная часть данной конструкции представляет собой предложение с прямой речью, где чужая речь (*к чему все это ведет!*) — фрагмент

внутреннего монолога, воспроизводящего мысли персонажа, его эмоциональная внутренняя речь — находится в интерпозиции, расчленяет авторскую речь на границе синтагм — между однородными сказуемыми (*С ужасом думала я... и с отчаянием признавала власть его над моей душой*). Часть знаков (кавычки, тире, заглавная буква), которые должны маркировать речь персонажа, снята. Таким образом, наблюдается включение прямой речи в авторскую, что способствует более отчетливой смысловой и интонационной связи конструкции в целом. Восклицательный знак выполняет не только функцию просодического сигнала и интонационного маркера, он отграничивает один тип речи от другого.

В конструкциях с вопросительным знаком часть, которая может быть отнесена к инпарцелляту, также носит дополнительный, поясняющий характер:

Добро бы Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь? (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Вопросительное предложение интонационно «разорвано», что подчеркивается вопросительным знаком; инпарцеллят, начинающийся со строчной буквы, требует понижения интонации (в отличие от парцелированных конструкций, где парцеллят всегда произносится с повышенной интонацией, с особым логическим ударением) и способствует восприятию инпарцеллята как присоединительного компонента, содержащего компенсирующую информацию.

Инпарцеллированная конструкция с вопросительным знаком может представлять собой трансформированную вопросно-ответную конструкцию:

Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!) с чем в баню сходить (А. С. Пушкин. Капитанская дочка);

...но если б и имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и ее родственники? моя наружность... (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Второй пример можно было бы перефразировать так: «...то согласятся ли молодая девушка и ее родители из-за моей наружности?» Мы видим, что данный инпарцеллят мог бы быть включен в основную часть предложения, но в таком случае вся смысловая нагрузка приходилась бы на компонент, прямо указывающий на причину беспокойства героя: *его наружность*. Расчлененность высказывания, вынос словосочетания, называющего причину невозможности надежды героя на взаимную любовь

и семейное счастье в инпарцеллятах, замена косвенной предложно-падежной формы данного словосочетания формой именительного падежа, — все это позволяет снять излишнюю актуализацию и прямолинейность, переместить часть информации в подтекст.

Характерным приемом является использование автором конструкций с цепочками инпарцеллятов, представляющих собой либо ряды однородных членов, либо ряды вопросительных предложений:

Какие чувства наполнили душу Ибрагима? ревность? отчаяние? нет...
(А. С. Пушкин. Арап Петра Великого);

Какой род истории не истощен уже ими? <...> Обращусь ли к истории отечественной? что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова? и мне ли рыться в летописях? (А. С. Пушкин. История села Горюхина);

Как я рад... что еще не умер со скуки в этом варварском Петербурге! что здесь делают, чем занимаются? кто твой портной? заведена ли опера? <...> Корсаков осыпал Ибрагима вопросами: кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде? (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Используемый А. С. Пушкиным прием «синтагматического нанизывания» инпарцеллятов подчеркивает нерасчлененность речи в потоке высказывания, ее нагнетание, особенно когда задаваемые вопросы не обращены к конкретному лицу, не требуют немедленной реакции, ответа слушателя. Строчная буква в таких конструкциях подчеркивает смысловую нерасчлененность высказывания в целом. Цепочки вопросительных инпарцеллятов могут быть связаны между собой при помощи повтора частицы *разве... разве...*, усиливающей экспрессию:

Мне нельзя надеяться быть любимым: детское возражение! разве можно верить любви? разве существует она в женском, легкомысленном сердце? (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого);

— *Это зачем? разве я московский банкومت? разве я без шампанского обойтись не могу?* (А. С. Пушкин. На углу маленькой площади...);

...чем ремесло мое несчастнее прочих? разве гробовщик брат палачу? чему смеются басурмане? разве гробовщик гаер святочный? (А. С. Пушкин. Гробовщик).

Таким образом, эмоциональная, смысловая и синтаксическая содержательность проявляются в тексте при помощи конструкции с инпарцелляцией, помогающей автору экстраполировать смысловые отношения между частями текста.

Следует отметить отсутствие в указанных прозаических произведениях А. С. Пушкина парцеллированных конструкций, что, на наш взгляд,

объясняется тем, что инпарцелляция менее резко расчленяет текст, чем парцелляция. Подобные конструкции отличаются от парцеллированных и просодически: они создают иной интонационно-синтаксический рисунок фрагмента текста, так как паузы между основной частью и инпарцеллятом меньшей длительности. Конструкции с инпарцелляцией можно рассматривать как стремление автора отразить специфику устной разговорной речи. Следует также отметить, что типология конструкций, характерных для устной разговорной речи, в том числе и сегментированных конструкций различного типа, включающих парцелляцию, разработана и описана О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1974], О. А. Лаптевой [Лаптева 2003], Е. А. Земской [Земская 1981].

Выявляя особенности использования различных типов расчлененных синтаксических конструкций А. С. Пушкиным, мы приходим к выводам, носящим семиологический, конвенциональный характер: а именно о том, какие функции вообще свойственны графическим знакам в художественном тексте, как форма знаков обуславливает тип и семантику конструкции и, в конечном итоге, смысл текста в целом.

Источники

Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 5. Романы. Повести. М.: Художественная литература, 1975. 576 с.

Литература

- Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
- Земская Е. А.* (ред.). Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 239 с.
- Кожина М. Н.* (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003 [Электронный ресурс]. URL: stylistics.academic.ru/105/Парцелляция
- Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Едиториал УРСС, 2003. 310 с.
- Перцов Н. В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.
- Рубенкова Т. С.* Парцелляты и инпарцелляты в поэтической речи XIX и XX веков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Белгородский гос. ун-т. Белгород, 1999. 22 с.
- Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Знание, 1974. 260 с.

References

- Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 166 p.
- Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Available at: stylistics.academic.ru/105/Парцелляция
- Lapteva O. A. *Russkii razgovorni sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 310 p.
- Percov N. V. [On the ratio of written and oral forms of poetic language (On the issue of the functional load of the old Russian spelling)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2008, no. 2. pp. 30–56. (In Russ.)
- Rubenkova T. S. *Parcellyaty i inparcellyaty v poeticheskoi rechi XIX i XX vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Parcel and inparcel in poetic speech of the XIX and XX centuries]. Belgorod, 1999.
- Sirotnina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [Modern spoken language and its features]. Moscow, Znanie Publ., 1974. 260 p.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Everyday Speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 239 p.